

УДК 821.133.1-3-93

ББК 84(4Фра)-4

П25

Пеннак, Даниэль.

П25 Приключения Камо: Идея века. Камо и я. Агентство «Вавилон». Побег: [для среднего школьного возраста] / Даниэль Пеннак ; пер. с франц. Натальи Шаховской ; [ил. Влады Мяконькиной]. — М. : Самокат, 2020. — 192 с. : ил. — (Классика Самоката). — ISBN 978-5-91759-958-8.

Книга мэтра современной французской литературы, сценариста и педагога Даниэля Пеннака рассказывает о приключениях двух французских школьников — Камо и его лучшего друга, которые попадают в невероятные, порой фантастические ситуации. Это истории о любви и разочаровании, о доме и школе, о родителях и учителях, о настоящей дружбе и взаимопонимании и обо всем том, что бывает, когда тебе десять лет, когда впереди такая долгая и прекрасная жизнь.

Даниэль Пеннак, лауреат престижной международной литературной премии Гринцане-Кавур, написал более 20 книг; мультфильм «Эрнест и Селестина», снятый по его сценарию, получил премию Сезар. Кроме четырех историй о Камо в издательстве «Самокат» вышли еще три книги Пеннака, в том числе «Как роман» — манифест свободе и радости чтения.

Опубликовано при содействии литературного агентства Анастасии Лестреп Lester Literary Agency & Associates
Kamo, l'idee du siecle © Editions Gallimard Jeunesse, 1993
Kamo et moi © Editions Gallimard Jeunesse, 1993
Kamo, l'agence Babel © Editions Gallimard Jeunesse, 1993
L'évasion de Kamo © Editions Gallimard Jeunesse, 1993
© Шаховская Н.Д., перевод на русский язык, 2003
© Мяконькина В.В., иллюстрации, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

ISBN 978-5-91759-958-8

Идея
века

Мадо-Маджи

Горе Мадо-Маджи прорвалось за десертом.

— О господи, ну что за мучение!

Мун, моя мать, как раз положила ей шарлотки с малиной.

Мадо-Маджи кричала:

— Не могу больше! Не могу-у-у!

Всего секунду назад Мадо-Маджи смеялась, шутила, жила, это была Мадо-Маджи, моя любимая крестная, и вдруг — мучительные всхлипы, до икоты, лицо как мокрая тряпка и слезы дождем в малиновую подливку: я в первый раз видел ее плачущей.

— Плохо мне! Пло-охо! Вы не представляете, до чего же мне плохо!

Она со всей силы вмазала кулаком по столу. Ее ложка сработала как катапульта, и Поп, мой отец, сидевший напротив, получил прямо в лицо порцию шарлотки.

— Что за мучение, сил моих нет, не могу-у-у!

Поп предоставил шарлотке сползать по усам. Он протянул через стол свою ручищу и ласково накрыл ею стиснутый кулак Мадо-Маджи.

— Ну полно, Маджи... полно... может, все не так страшно, может, он вернется...

— Что-о?

Она мгновенно перестала плакать.

— Что ты сказал?

Она смотрела так, будто испепелить его хотела.

— Вернется? Ты хотел бы, чтоб он вернулся?

Больше ничего не хочешь?

Поп затравленно глянул на Мун. Он даже заикаться начал:

— Так ведь... ну так... а что ты тогда плачешь, как Магдалина какая-то?

Это была игра слов. Потому что Мадо-Маджи по правде звали Марджори Магдалина. Марджори — имя, Магдалина — фамилия.

Ее, во всяком случае, эта игра слов не рассмешила. Она только ядовито прошипела сквозь сжатые побелевшие губы:

— Дурень старый, ты что, вообще ничего не понял?

Поп снова оглянулся на Мун — так бросают якорь, когда бушует буря. И, как всегда, когда Поп смотрел на нее такими глазами, Мун, моя мать, объяснила:

— Она не хочет, чтоб он вернулся! Поэтому так и мучается!

Мадо встала. Обеими руками, как коала, стерла разом все слезы. Шмыгнула носом. Улыбнулась. И сказала:

— Извините.

И отцу, со смешком:

— Тебе к лицу шарлотка.

Пожала ему руку, поцеловала Мун.

— Извините, мои хорошие, и пока, мне пора
линять.

И добавила:

— Во всех смыслах.

Я не понял, что она хотела этим сказать, но побежал в свою комнату, где она оставила пальто и сумку. Когда я догнал ее на лестнице, она взъерошила мне волосы.

— Не пугайся... это всё глупости... мелкие горести взрослых — чепуха по сравнению с большими бедами малышей.

У подножия лестницы она обернулась и крикнула мне наверх:

— Не настолько это серьезно, чтоб я забыла, когда у тебя день рождения!

Это была наша с ней шутка, потому что она как раз вечно забывала, когда у меня день рождения, и ее подарки сваливались как снег на голову, когда попало.

Поп и Мун убирали со стола. Я слушал их разговор через приоткрытую дверь. Ну, не то чтобы специально слушал... так, немножко прислушивался.

Мун говорила:

— Вот ведь типчик! Мало того что бросил ее безо всяких объяснений, так еще и телевизор унес!

Поп спросил:

— А он вообще-то кто?

— Учитель, — сказала Мун, — в коллеже преподает... в шестом, кажется, классе или в пятом.

Поп воздел руки к небу.

— Учитель! Бросает девушку и уносит у нее телевизор! Ну люди!.. Вот ей-богу... Ну люди!

(«Ну люди! — так вздыхал Поп, мой отец, всякий раз, как был недоволен кем-то. — Ну люди...»)

Тут я вошел в столовую и произнес нечто неслыханное:

— Так надо отдать ей наш!

Поп и Мун уставились на меня, как один человек.

— Ты что говоришь, Ты?

Так они всегда меня зовут: Ты. И я сразу узнаю себя, потому что я — тут уж не ошибешься — это я и есть.

Я повторил:

— Маджи... надо отдать ей наш телевизор. Все-таки хоть какое-то утешение.

Мун ответила улыбкой, означавшей: «Господи, какой же милый у меня мальчик». А Поп только кивнул, искоса поглядывая на меня.

— Неплохая мысль... тем более что в будущем году тебе в шестой класс*, какой уж там телевизор... Некогда будет...

Любимый учитель

На следующий день на перемене Камо размазал меня по стенке.

— Ну ты даешь! Совсем, что ли? Отдать Мадо-Маджи ваш телик, потому что от нее дружок свалил! А другой свалит с холодильником — ты холодильник отдашь? А потом — стиральную машину? Этак ты вообще без ничего останешься! Знаешь ведь Мадо-Маджи! И твой отец согласился?

— Он сказал, мне и так некогда будет смотреть телик, когда мы будем в шестом...

Камо — это Камо, мой друг, сколько себя помню. Мы знакомы с яслей. Соседи по колыбелькам. Он мой односельник. Вроде как брат. Я думал, аргумент, который привел Поп, его успокоит,

* Во Франции средняя школа называется коллеж (college), ученики переходят туда в 11 лет после начальной школы, где учатся пять лет. Классы в коллеже считаются в обратном порядке: ученик поступает в 6 класс, а через четыре года занятий заканчивает 3-й.

но он только пуще разошелся. Так и взревел, размахивая руками:

— Бред это! Бред собачий! Их послушать, так вообще ничего нельзя, раз в шестой класс идешь! «Сколько вашему мальчику? Десять с половиной? О, это уже серьезно, тут не до игр, в шестой класс скоро!»; «Нет уж, извини, в будущем году — никакого бассейна, в шестой класс идешь!»; «Кино? Какое кино, ты что? Математику учи, вот не примут в шестой класс!»; «Камо, сколько раз повторять, не смей ковырять в носу, ты уже почти шестиклассник!» Все! Все только про это и талдычат — моя мать, твои родители, продавец в рыбном: шестой класс! шестой класс! Кобель нашей булочницы — и тот так на меня смотрит, будто сейчас скажет: «Э-э, ты давай-ка не расслабляйся, тебе на будущий год в шестой класс...»

На вопли Камо сбежались все ребята. Наши однокашники, которым тоже на будущий год в шестой. Длинный Лантье, здоровый дылда, выше всех в классе, дождался, пока Камо остановится перевести дух, и быстро вставил:

— Есть только один взрослый, который никогда не говорит про шестой класс, один-единственный!

Камо уже открыл рот, чтоб продолжить свою речь. Так, с открытым ртом, он и устался на Лантье.

— Это кто же?

— Месье Маржерель! — ответил Лантье, который всегда боялся ляпнуть какую-нибудь глупость — до того он был длинный для своего возраста.

Две секунды спустя мы все ввалились в класс. Месье Маржерель печатал на своем ротаторе задания по истории. Он поворачивал ручку, и наши предки-галлы в бледно-лиловых тонах вылезали на свет.

— Вы что это, дети? Перемена еще не кончилась...

Он сказал это не оборачиваясь, без недовольства, обычным своим улыбчивым голосом. Он вообще был такой, месье Маржерель, никогда не психовал. Любимый учитель, как называл его Камо, когда нам что-нибудь от него было нужно.

Но тут, видно, месье Маржерель все-таки почувал по слишком уж тихому молчанию, что дело серьезное. Он выпрямился и некоторое время пристально всматривался в нас.

— Ну, что там у вас?

Камо рассматривал свои кроссовки.

— Можно у вас кое-что спросить, месье?

Месье Маржерель обреченно развел руками.

— Не родился еще такой человек, который помешал бы тебе кое-что спросить.

— Вы никогда ничего не говорите про шестой класс. Почему?

— Э-э-э... Прошу прощения?

— Правда, — сказал Лантье, — вы единственный из взрослых, кто ни словечка нам не сказал про шестой класс.

Ребят прорвало:

— Правда! Все! Мать! Отец! Тетя! Свекор моей сестры! Соседка снизу! Инспекторша из социальной защиты! Доктор Мюзен! Механик у деда в гараже! Почтальон вчера — и тот! Шестой! Шестой! Все, все, кроме вас! Шестой! Шестой!

Прямо потоп.

Месье Маржерель раскинул руки, словно оставившая взбесившийся поезд.

— Ти-хо!

Все замолчали.

— Садитесь.

Все сели.

— Хорошо. Так что вы хотите знать про шестой класс?

Камо сказал:

— Всё.

Месье Маржерель уселся по-турецки на учительский стол, как обычно, когда рассказывал нам какую-нибудь историю. (По субботам он всегда рассказывал нам истории. Да, с ним субботы были не хуже воскресений.)

— Всё? Вы будете разочарованы.

Он поглядел на Камо. Потом — на всех нас.

— Потому что там и знать-то нечего про шестой класс. Шестой класс — это то же, что ваш, ни больше ни меньше. Те же предметы, те же домашние задания, примерно то же расписание... немного полнее, все равно как если пройти дальше по той же дороге, вот и всё.

— А чего тогда нас все заколебали с этим гребаным шестым классом? — спросил Камо, бегло изъяснявшийся как на французском литературном, так и на французском уличном: наследие рано умершего отца.

Неопределенный жест Любимого учителя.

— Ну, вы же знаете, что такое родители... всегда беспокоятся за будущее...

— Это уже не беспокойство, — крикнул Лантье, — это психоз какой-то!

— В конце концов, должен же этот шестой класс чем-то отличаться, чтоб их до такого довести!

Камо особо нажал на слово «отличаться», глядя месье Маржерелю прямо в глаза.

— Нет, ничем он не отличается. Вот только...

Месье Маржерель запустил пальцы в свою шевелюру. У него были не волосы, а настоящие амазонские джунгли.

— Что «только»?

— Ну, единственное настоящее отличие — то, что вместо одного учителя у вас будет шесть или

семь: один по математике, другой по французскому... по учителю на каждый предмет, одним словом.

— То есть они будут знать в шесть или семь раз меньше, чем вы? — воскликнул Длинный Лантье.

Маржерель расхохотался.

— Ты только им не вздумай это сказать, несчастный!.. Да нет, просто они специалисты, примерно как в медицине: один доктор лечит сердце, другой — печень, третий — почки, понятно?

— Ну, — сказал Камо, — и в чем же проблема?

(«Ну и в чем проблема?» — это было излюбленное выражение Татьяны, матери Камо, для которой не существовало ничего невозможного... «Ну и в чем же проблема?»)

— В адаптации, — ответил месье Маржерель.

— В адаптации?

— Ну да. До сих пор у вас был весь год один учитель (или учительница), которого вы хорошо знали; хороший, там, или плохой — вы под него (или под нее) подстраивались. А в шестом вам придется в один и тот же год приспособливаться к шести или семи разным характерам. — И уточнил: — Иногда очень разным. — Он глянул на Камо. — Может даже найтись такой, кто не станет терпеть вопросы Камо так же спокойно, как некоторые...

И тишина. Такая, какая бывает, когда все начинают понимать...

В этой-то испуганной тишине я и брякнул:
— А учителя шестых классов — они все воруют телевизоры?

Все уставились на меня, причем месье Маржерель — вот таковыми глазами.

— Ты это о чем, Ты?

Я-то прекрасно знал о чем, но ответил:

— Ни о чем.

Камо начал следующий раунд:

— Нелегко нам придется с этой адаптацией, ох как нелегко...

— Не стоит преувеличивать, — сказал месье Маржерель, — не так уж это драматично.

— Не драматично? Нам не будут отвечать на вопросы — это, по-вашему, не драматично? А ответы? Как мы узнаем ответы, когда вас с нами не будет?

В голосе Камо звучала такая тревога, что мы вмиг почувствовали себя круглыми сиротами, все как один! (Но Камо, конечно, особенно, у него ведь не было отца — умер в больнице однажды вечером.) Остаться без Любимого учителя, без ответов на наши вопросы... Малыш Малоссен, который был на год младше нас всех, расплакался, он все всхлипывал:

— Ох, нет, это грамматично! Ужасно грамматично!

Камо снял с него запотевшие от слез очки и, протирая их платком, сказал успокаивающе:

— Кончай реветь, Малыш... выход есть. Я кое-что придумал. Вообще, у меня, кажется, родилась идея века. Идея века!

И месье Маржерелю — примерно таким тоном, каким отдают приказы:

— Нужно, чтоб вы, месье, прямо с завтрашнего дня начали по-настоящему готовить нас к шестому классу! Вам надо научить нас, как себя вести со всеми этими разными характерами!

— А можно узнать, каким образом? — спросил месье Маржерель, которого все это начинало забавлять.

Лицо Камо озарилось — как всегда, когда его осеняла очередная «идея века» (что бывало по два-три раза в день).

— Разыгрывая роли всех этих новых учителей! — воскликнул он. — Месье Маржереля, которого мы все знаем, больше нет! Завтра приходите — и играете роль совершенно незнакомого математика или нового англичанина; так и сыграете нам этих незнакомых учителей, как вы играли персонажей Мольера... всех-всех!

— Даже того, кто не отвечает на вопросы? — спросил Малыш Малоссен с остатками страха в голосе.

